Д. В. Давыдов

ВОСПОМИНАНИЯ О 1826 ГОДЕ

Первый отрывок воспоминаний известного партизана и поэта Дениса Давыдова извлечен из его «статьи неоконченной» под заголовком «Воспоминания о 1826-м годе», помещенной впервые в альманахе «Русская Беседа» 1841 г., т. II, а затем в первой части «Сочинения Д. В. Давыдова», вышедшей в 1860 году (М., изд. четвертое, исправленное и дополненное по рукописям автора, стр. 12—19). Второй отрывок извлечен из книги «Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурою непропущенные. Печатано в типографии кн. Петра Долгорукова». Лондон, 1863 г., стр. 44—48; в главе «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове» помещены с дополнениями, полной расшифровкой имен и иногда в другой редакции отрывки о Грибоедове из «Воспоминаний о 1826-м годе». Дополнения и составляют второй отрывок; наиболее же интересные варианты даны в подстрочных примечаниях. В 1863 году несколько выдержек из «Воспоминаний о 1826-м годе» перепечатал М. П. Погодин в статье «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии» («Русский Вестник» № 12, стр. 583—584). Эти выдержки вызвали статью «Биографические известия о Грибоедове», написанную известным собирателем материалов о Грибоедове, Д. А. Смирновым и опубликованную в 1868 году (уже после смерти Смирнова) в «Беседах общества любителей российской словесности», вып. второй, стр. 1—28 (статья датирована автором 27 января 1865 г.). Совокупностью материалов, как бывших в печати, так и впервые опубликованных в этой статье, Смирнов хотел отвести обвинения Давыдова, выдвинутые в его воспоминаниях, и которые, главным образом, касались неискренности Грибоедова в его отношениях к Ермолову. «В статье моей не будет ничего полемического: опровержение Д. В. Давыдову само собой истечет из моего изложения»—писал Смирнов.—Между прочим, часть опубликованных в этой статье материалов, например, показания о Грибоедове его сестры—Марии Сергеевны, жены—Нины Александровны, Бегичева, Иона, записанные с их слов Смирновым и не вошедшие в другие его статьи,—до сих пор сохраняет значение первоисточника, и нами использовываются в этом издании.

...28-го [августа] по утру, я, оставив пехоту с 30 казаками, поехал рысью вперед[1]. Хотя я много рисковал, но мне хотелось нагнать почту и большой караван, впереди меня шедший и ночевавший верстах в 9 от меня на Уруском редуте. Приехав сюда, я, к сожалению моему, не застал уже каравана и был принужден продолжать путь до привольного редута, называемого Мечетьской. Там настиг я почту, караван и Грибоедова, выехавшего гораздо позже меня из Москвы[2].

Во Владикавказе отвели мне квартиру в крепости, где отданы были мне все почести, но я тотчас отпустил почетный караул; я спрашивал у коменданта и плац-майора о делах Грузии, но они обещали мне прислать недавно приехавшего из Тифлиса полковника путей сообщения Гозиуса, прибывшего оттуда для исправления дороги и мостов, испорченных в Дарьяльском ущелье вследствие завалов Казбека ночью с 15-го на 16-е число августа, т. е. в тот самый день, как я выехал из Москвы. Какое предсказание для меня! Паскевич, ехавший несколькими сутками впереди меня, был принужден жить около недели во Владикавказе. Гозиус меня первый известил о том, что происходит в Грузии. Он мне сказал, что Ермолов собирает войска в Тифлисе и еще лично там; что Аббас-Мирза с 100.000-ою армиею в Елизаветполе, авангард его в Шамхоре; что Шуша блокирована и в ней полковник Реут с полком своим; сардар Эриванский занял Бамбакскую и Шурагельскую провинции и простирает набеги свои до Квеша, в 50-ти верстах от Тифлиса, где разграбил немецкую колонию, что против Аббас-Мирзы князь Мадатов с 3-мя тысячами, а

---

[1] К истории поездки Давыдова на Кавказ можно сообщить следующее. — До 23 марта 1826 года он был в отставке. Около этого времени он прибыл в Москву на коронацию Николая I, которому был представлен. 16 июня персияне нарушили мир и напали на пограничный русский пост Мирак и за несколько дней до коронации разгорелась война, при чем Николаю сделалось известным, что сам Ермолов не принял командования, а послал князя Мадатова. И так как в начале этого года один из агентов тайной полиции доносил, что «все питаются надеждой, что Ермолов с корпусом не примет присяги» (Военно-учебный архив, отдел 1, дело № 595), то Ермолов внушал Николаю серьезные опасения и 10 августа рескриптом на имя Ермолова назначил ему в ближайшие сотрудники генерала Паскевича и Дениса Давыдова. 15 августа Давыдов выехал вместе с курьером из Москвы, а 24 приехал в Ставрополь.

[2] Грибоедов также выехал в середине августа из Москвы. По дороге он заехал в имение к С. Н. Бегичеву, где пробыл всего один день, а оттуда поехал на Кавказ.

против сардара полковник князь Севардземидзев с тифлисским пехотным полком на Каменной речке в урочище Джелал-Оглу близ Лори. В Тифлисе все покойно и нимало не опасаются неприятеля, полагаясь во всем на Ермолова, обнаруживающего невозмутимое хладнокровие.

Я из окна видел Казбек, величественно возвышающийся двуглавою вершиной своею над всем снеговым хребтом по темно-голубому безоблачному небу. В ночное время он был еще поразительнее по своей красоте: полная луна осыпала бледными своими лучами снеговое темя его.

Во Владикавказе я оставил свою коляску и 30-го числа выехал с Грибоедовым в двуместных дрожках, коими одолжил нас до первой станции Николай Федорович Огарев [1].

По мере того, как мы подвигались вперед, ущелье становилось теснее и теснее. Уже в Ларсе, в 25-ти верстах от Владикавказа, вершины гор по обеим сторонам дороги, казалось, готовы были упасть к нам на голову.

В Коби к нам вошел добрый и благородный Ш[имановский], служивший в то время при Ермолове; он накануне выехал из Тифлиса и отправлялся в отпуск на четыре месяца в Москву, а потом во Владимирскую губернию. Счастливый человек, вряд ли кто был другой в мире, коему в душе моей я более завидовал!

Мы расспрашивали его о приезде в Тифлис П[аскевича], которого Ермолов принял ласково. Грибоедов сказал нам при этом случае: «Каков мой-то..., как, вы хотите, чтобы этот человек, которого я коротко знаю, торжествовал бы над одним из самых умнейших и благонамереннейших людей в России; верьте, что наш его проведет, и этот, приехав впопыхах, уедет отсюда со срамом». Грибоедов столько же обманулся в своем пророчестве, сколько мы обманулись в нем самом. Этот даровитый писатель должен был бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженной им в литературном мире? [1]. Он довольно долго служил при А. П. Ермолове и числился одно время советником при нашем посланнике в Тегеране Мазаровиче, человеке весьма полезном и способном. По представлению Ермолова, оценившего редкие способности Мазаровича, который был медиком, он был назначен

[1] В своих «записках» Давыдов передает следующий анекдот о Паскевиче: «Однажды льстецы, говоря с отцом Паскевича, восклицали: «князь Варшавский гений». Умный старик возразил по-малороссийски: «Що гений, то негений, а що везе, то везе» (стр. 50).

первым постоянным посланником при персидском дворе. Грибоедову, незнакомому ни с какими формами, приходилось иногда, за отсутствием Мазаровича, писать бумаги в Тифлис, где они возбуждали в канцелярии Ермолова лишь смех. Ермолов, разумевший Грибоедова человеком, одаренным блестящими способностями, вполне приятным и любезным собеседником, почитал его, однако, совершенно бесполезным для службы [1]. Алексей Петрович, неохотно увольнявший в отпуск людей полезных и усердных, дозволял Грибоедову отлучаться часто и на продолжительное время. Он, однако, очень любил Грибоедова и был в полном смысле слова его благодетелем; не говоря уже о всевозможном его внимании к знаменитому автору «Горя от ума», он оказал ему такую услугу, какую Грибоедов был вправе ожидать лишь от родного отца. Он спас его от последствий одного весьма важного дела, которые могли бы быть для Грибоедова крайне неприятны [2]. Память обо всем этом должна была бы оставаться неизгладимою в сердце Грибоедова, но, к сожалению, он, как казалось, принадлежал к числу людей, для коих было незнакомо чувство признательности. Увлекшись честолюбивыми побуждениями, Грибоедов, подобно многим лицам, некогда облагодетельствованным Ермоловым, но тем не менее принявшим на себя постыдные обязанности, отплатил ему также за все прошлое неблагодарностью. Вытребованный в С.-Петербург, он был вскоре награжден чином надворного советника, получил довольно значительную сумму денег и вновь прислан на Кавказ, где его поведение не могло не возбудить во всех благомыслящих людях истинного удивления и сожаления; он стал писать приказы по корпусу и сочинять частные письма для своих новых благодетелей [3]. Будучи отправлен

[1] «Грибоедов, состоящий некоторое время при нем в качестве советника, был человеком блестящего ума, превосходных способностей, но *бесполезный для службы*»—пишет Давыдов в «Записках».

[2] «Все, мною здесь сказанное, сообщено мне лицами, заслуживающими доверия, которые были не только очевидцами этого события, но принимали в нем весьма деятельное участие». (Примечание Д. В. Давыдова).—Здесь Давыдов подразумевает о предупреждении Ермоловым Грибоедова об аресте.

[3] Т. е. Паскевича. Это мнение выражено Давыдовым в частном письме к А. А. Закревскому от 31 августа 1827 г.: «Я был у брата Алексея (Петровича Ермолова); он не грустен, но сердит и как будто выбитый с винта, на коем он вертелся тридцать восемь лет славной службы! Кажется, однако, что начинает кой-как привыкать к безмятежной жизни, начал заниматься приведением в порядок записок своих, ибо не

во второй раз в С.-Петербург для поднесения государю Туркманчайского договора, он сказал приятелю своему С. Н. Бегичеву: «Я вечный злодей Ермолова»[1]. Он говорил около того же времени не одному мне следующее: «П[аскевич] несносен, и я на сей раз не иначе возвращусь в Грузию, как в качестве посланника при тегеранском дворе». Он был произведен в статские советники и, благодаря покровительству гр. Паскевича, получил желаемое назначение в Тегеран, где сделался жертвою своей ошибки[2].

Действия этого пылкого, неосмотрительного и чересчур самолюбивого посланника возбудили негодование шаха и персиян. Он в лице шахского зятя Аллаяр-Хана нанес глубокое оскорбление особе самого шаха. Грибоедов, вопреки советам и предостережениям одного умного и весьма способного армянина, служившего при нем в качестве переводчика, потребовал выдачи нескольких русских подданных-женщин, находившихся в гареме Аллаяр-Хана в должности прислужниц. Это требование было, вероятно, пред'явлено им вследствие ложного понимания вещей, а может быть и с явным намерением доказать свое влияние и могущество при персидском дворе. Хотя шах видел в этом нарушение персидских обычаев, но, не желая отвечать на требование Грибоедова продолжительным отказом, он дозволил ему взять этих женщин самому; посланные в гарем конвойные привели их в посольский дом. Персияне, видевшие в этом явное неуважение русских к особе шахского зятя, к самому шаху и к существующим народным обычаям, взволновались. Вскоре вспыхнуло возмущение, вероятно не без одобрения шаха; около 40 человек наших было убито, в том числе весьма много полезных лиц; спасся один М[альцов] с двумя слугами, вследствие особенного к нему расположения

из числа тех безграмотных, которым и партикулярные письма сочиняет Грибоедов».—См. Д. В. Давыдов. Сочинения под ред. А. О. Круглого, П. 1893 г., т. III, стр. 164.

[1] «Мне это сообщил брат его, добрый и благородный зять мой, Д. Н. Бегичев». (Примечание Д. В. Давыдова).

[2] «Грибоедов, отправленный к государю с Туркманчайским договором, говорил, не стесняясь, мне, Шимановскому и весьма многим: «Паскевич так невыносим, что я не иначе вернусь в Грузию, как в качестве посланника при персидском дворе». Это желание Грибоедова, благодаря покровительству его нового благодетеля, исполнилось, но на его погубу»—пишет Давыдов в «Записках».

каких-то персиян, которые спрятали его где-то на чердаке. Персидский караул, не желая сражаться противу своих, заперся [1].

[Так как я в это время не находился уже более в Грузии, то я привожу здесь подробности, которые мне были сообщены многими лицами, заслуживающими доверия [2]. Причину этих действий Грибоедова должно, сколько мне известно, искать в следующем: Грибоедов, невзирая на блистательные дарования свои, никогда не принадлежал к числу так называемых деловых людей; он провел довольно долго в Персии, где убедился лишь в том, что слабость и уступчивость с нашей стороны могли внушить персиянам много смелости и дерзости, а потому он хотел озадачить их, так сказать, с первого раза. К сожалению, от уступчивости до настоятельных требований относительно гаремских прислужниц, некогда взятых в плен во время вторжения персиян в Грузию, — что заключало в себе, как оказалось, много оскорбительного для самолюбия этого народа, — было далеко. Настойчивость Грибоедова была необходима во всех тех случаях, где надлежало ему наблюдать за точным исполнением важнейших пунктов Туркманчайского трактата; в прочих случаях надо было обнаружить много ловкости, проницательности и осторожности, дабы не оскорбить понапрасну народной гордости персиян. Грибоедову, назначенному посланником в Персию, после наших счастливых военных действий, было легче приобресть влияние, чем Ермолову, отправленному туда в 1817 г. Невзирая на то, что этот последний прибыл в Тегеран после обещания, данного государем персидским послам, возвратить некоторые присоединенные к нам области, он выказал при этом случае так много искусства и энергии, что шах отказался от своих требований. В случае несогласия шаха, Ермо-

[1] Однако шах, испугавшись последствий этого события, решился послать в С. Петербург значительное лицо для принесения извинений. Так как в Персии все были убеждены, что наше правительство не замедлит предать в свою очередь смерти высланного сановника и его свиту, то решено было избрать для этого предмета Хозрева-Мирзу, который был не что иное, как ч а н к а или побочный сын шаха. Хозреву-Мирзе, впоследств. [illegible]ному, сделан был напротив у нас в России блестящий прием, на который он по своему рождению не имел никакого права, и который явно доказывал, сколь мало у нас были известны обычаи востока. (Примечание Д. В. Давыдова).

[2] Весь абзац, заключенный нами в квадратные скобки, в издании 1860 года является примечанием к предыдущему абзацу («Действия этого пылкого»); в виду самостоятельного значения этого примечания, мы ввели его в основной текст.

лов, не могший поддержать своих представлений войском, которого в то время не было под рукой, что было небезызвестно персиянам, нашелся бы вынужденным уступить. Невзирая на то, что всемогущий в то время Аббас-Мирза нисколько не скрывал своих к нам неприязненных чувств, Ермолов успел склонить шаха к уступкам. Ермолов, всегда выказывавший большое уважение к обычаям народов, с коими ему приходилось действовать, внушил персиянам высокое к русским уважение, каким они даже не пользовались впоследствии, после наших успехов над ними. Мне говорил один значительный персидский сановник, что своевременная присылка войск в Грузию предупредила бы войну с персиянами, коих самонадеянность постоянно возрастала вследствие убеждения, что мы к ней не готовы, и что мы можем противопоставить их полчищам лишь ничтожные силы. Наконец, самые действия умного и энергичного Мазаровича, никогда не раздражавшего народной гордости персиян, были весьма поучительны для Грибоедова, который пренебрег, к сожалению, уроками своих предместников. Известно, что к Мазаровичу явился однажды армянин, некогда захваченный персиянами в плен; хотя этот евнух был помощником Манучар-Хана, хранителя сокровищ и любимца шаха, но он обратился к Мазаровичу с просьбой исходатайствовать ему позволение возвратиться к нам в Грузию. Так как это могло дать повод к различным обвинениям, потому что в случае пропажи чего-либо наше посольство и армянин были бы подозреваемы в похищении шахских сокровищ, Ермолов советовал Мазаровичу убедить армянина отказаться от своего намерения; таким образом удалось предупредить большие неприятности. Подобным образом должен был действовать и Грибоедов. Я полагаю, что, вероятно, существовала возможность выручить пленниц без пред'явления несвоевременных и оскорбительных для персиян требований: во всяком случае надо было приискать средства к их выдаче, не жертвуя для того столь многими полезными и славными людьми. Если б, по причине существующих обычаев, невозможно было этого сделать тотчас, то не следовало явно нарушать их и тем возбуждать против себя жителей, но предоставить все дело времени].

Так окончил жизнь наш знаменитый писатель, который мог бы еще долго и с большею пользою подвизаться на литературном поприще; находясь с ним долго в весьма близких отношениях я, более чем кто-нибудь, был глубоко огорчен его действиями в течение 1826 и 1827 годов. Грибоедов, терзаемый под конец своей

жизни бесом честолюбия, заглушил в сердце своем чувство признательности к лицам, не могшим быть ему более полезными; но зато он не пренебрег никакими средствами для приобретения полного благоволения особ, кои получили возможность доставить ему средства к удовлетворению его честолюбия; это не мешало ему, посещая наш круг, строго судить о своих новых благодетелях. Тяжело разочаровываться насчет кого бы то ни было, но еще более относительно личностей, столь щедро одаренных природой. Видя поведение Грибоедова, которого я так любил, я душевно скорбел. Я сожалел, что не мог быть в это время вдали от театра его деятельности, потому что имел бы утешение думать, что многое преувеличено завистью и клеветой; но я, к сожалению, должен был лично удостовериться в том, что душевные свойства Грибоедова далеко не соответствовали его блистательным умственным способностям...

***

А. С. Грибоедов, знаменитый автор комедии «Горе от ума», служил в продолжение довольно долгого времени при А. П. Ермолове, который любил его как сына. Оценяя литературные дарования Грибоедова, но находя в нем недостаток способностей для служебной деятельности, или вернее слишком малое усердие и нелюбовь к служебным делам, Ермолов давал ему продолжительные отпуска, что, как известно, он не любил делать относительно чиновников, не лишенных дарований и рвения. Вскоре после события 14 декабря, Ермолов получил высочайшее повеление арестовать Грибоедова и, захватив все его бумаги, доставить с курьером в Петербург: это повеление настигло Ермолова во время следования его с отрядом из Червленной в Грозную. Ермолов, желая спасти Грибоедова, дал ему время и возможность уничтожить многое, что могло более или менее подвергнуть его беде. Грибоедов[1], предупрежденный обо всем ад'ютантом Ермолова,

[1] Ермолов, Вельяминов, Грибоедов и известный шелковод А. Ф. Ребров находились в середине декабря 1825 года в Екатеринодаре; отобедав у Ермолова, для которого, равно как и для Вельяминова, была отведена квартира в доме казачьего полковника, они сели за карточный стол. Грибоедов, идя рядом с Ребровым к столу, сказал ему: «в настоящую минуту идет в Петербурге страшная поножовщина»; это крайне встревожило Реброва, который рассказал это Ермолову лишь два года спустя. Ермолов, отправляя обвиненного с преданным ему фельд'егерем в Петербург, простер свою заботливость о Грибое-

Талызиным, сжег все бумаги подозрительного содержания. Спустя несколько часов послан был в его квартиру подполковник Мищенко для произведения обыска и арестования Грибоедова, но он, исполняя второе, нашел лишь груду золы, свидетельствующую о том, что Грибоедов принял все необходимые для своего спасения меры. Ермолов простер свою, можно сказать, отеческую заботливость о Грибоедове до того, что ходатайствовал о нем у военного министра Татищева. После непродолжительного содержания в Петербурге в Главн. штабе, Грибоедов был выпущен, награжден чином и вновь прислан на Кавказ. С этого времени в Грибоедове, которого до того времени любили как острого, благородного и талантливого товарища, совершилась неимоверная перемена. Заглушив в своем сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа, навлекшего на себя ненависть нового государя.

Не довольствуясь сочинением приказов и частных писем для Паскевича (в чем я имею самые неопровержимые доказательства), он слишком коротко сблизился с Ванькой-Каином, т. е. Каргановым, который сочинял самые подлые доносы на Ермолова. Паскевич, в глазах которого Грибоедов обнаруживал много столь не достохвального усердия, ходатайствовал о нем у государя. Грустно было нам всем разочароваться насчет этого даровитого писателя и отлично-острого человека, который, вскоре после приезда Паскевича в Грузию, сказал мне и Шимановскому следующие слова: «как вы хотите, чтобы этот дурак, которого я коротко знаю, торжествовал бы над одним из умнейших и благонамереннейших людей в России; верьте, что наш его проведет, и Паскевич, приехавший еще впопыхах, уедет отсюда со срамом». Вскоре после этого он говорит многим из нас: «Паскевич несносный дурак, одаренный лишь хитростью, свойственной хохлам; он не имеет ни сведений, ни сочувствия ко всему прекрасному

дове до того, что приказал фельд'егерю остановиться на некоторое время во Владикавказе, где надлежало захватить два чемодана, принадлежавшие автору «Горя от ума». Фельд'егерь получил строгое приказание дать Грибоедову возможность и время, разобрав заключавшиеся в них бумаги, уничтожить все то, что могло послужить к его обвинению. Это приказание было в точности исполнено и Грибоедов подвергся в Петербурге лишь непродолжительному заключению. Все подробности были мне сообщены Талызиным, Мищенкой, самим фельд'егерем и некоторыми другими лицами (Примечание Д. В. Давыдова)

и возвышенному, но вследствие успехов, на которые он не имел никакого права рассчитывать, будучи обязан им превосходным ермоловским войскам и искусным и отважным Вельяминову и Мадатову, он скоро лишится и малого рассудка своего». Но в то же самое время Грибоедов, терзаемый, повидимому, бесом честолюбия, изощрял ум и способности свои для того, чтобы более и более заслужить расположение Паскевича, который был ему двоюродным братом по жене. Дружба его с презренным Ванькою Каином, который убедил Паскевича, что Ермолов хочет отравить его, подавала повод к большим подозрениям